

Сказки Гауфа. Приключения Саида

Во времена Гаруна аль-Рашида, повелителя Багдада, жил в Бальсоре человек по имени Бенезар. У него хватало достатка, чтобы жить спокойно и в довольстве, не занимаясь торговлей или каким другим делом. И когда у него родился сын, он тоже не изменил образа жизни. «Зачем мне в моем-то возрасте торговать и наживаться, – говорил он соседям, – уж не для того ли, чтобы оставить моему сыну Саиду на тысячу золотых больше, ежели мне повезет, а ежели не повезет, на тысячу меньше? Где двое сыты, там и третий голодным не будет, говорится в пословице, только бы сын вырос добрым юношей, а все остальное приложится». Так сказал Бенезар и сдержал свое слово. Он и сына не обучил торговле или какому-нибудь ремеслу. Но он не забывал читать с ним книги мудрости, и, памятуя, что кроме учености и уважения к старости ничто так не украшает юношу, как меткая рука и мужество, он рано обучил его владеть оружием, и Саид скоро прослыл среди своих сверстников и даже среди юношей старше его годами смелым воином, а в верховой езде и плавании ему не было равных.

Когда Саиду минуло восемнадцать лет, отец послал его в Мекку, поклониться гробу пророка и, как то повелевают обычай и завет

Магомета, совершить молитву и положенные обряды. Перед отъездом отец призвал его к себе, похвалил за благонравье, еще раз напутствовал добрым словом, снабдил деньгами, а затем сказал:

– И вот еще что я скажу тебе, сын мой Саид! Я не придерживаюсь предрассудков темного люда. Правда, я охотно слушаю рассказы про фей и волшебников, это очень красит досуги, но я далек от того, чтобы, как многие невежественные люди, верить, будто гении или какие другие сверхъестественные силы оказывают воздействие на жизнь людей. Но твоя мать, – уже двенадцать лет, как она умерла, – твоя мать верила в них столь же свято, как в Коран. Скажу больше, однажды она, взяв с меня суровую клятву, никому, кроме ее дитяти, не открывать этой тайны, призналась мне, что со дня своего рождения общается с феей. Я высмеял ее, но все же, должен признаться, что твое рождение, Саид, ознаменовалось поразившими меня явлениями. Весь день лил дождь и гремел гром, небо заволокли черные тучи, и читать, не зажегши света, было невозможно. В четыре часа дня мне сообщили, что родился мальчик. Я поспешил в покои твоей матери, чтобы увидеть и благословить моего первенца, но все ее прислужницы стояли перед дверью и на мои вопросы ответили, что никому не позволено входить в комнату роженицы; Земира, твоя мать, приказала всем выйти, ибо хотела остаться одна. Напрасно стучал я в дверь – дверь не открылась.

Недовольный, остался я ждать вместе с прислужницами, но тут тучи рассеялись так внезапно, как мне еще ни разу не доводилось видеть, а всего удивительнее было то, что только над любезной нашему сердцу Бальсорой сияла небесная лазурь, а вокруг все заволокли черные тучи, прорезанные зигзагами сверкающих молний. В то время как я с любопытством наблюдал это явление, распахнулись двери в покои моей жены. Я оставил служанок ждать за дверью и вошел один к твоей матери, чтобы спросить, почему она заперлась в своей опочивальне. Когда я вошел, на меня повеяло таким одуряющим ароматом роз, гвоздик и гиацинтов, что я словно опьянел. Твоя мать поднесла мне тебя и показала серебряную дудочку на тонкой, как шелковинка, золотой цепочке, висевшую у тебя на шее. «Добрая женщина, о которой я

тебе уже говорила, была здесь, — сказала твоя мать, — вот что она подарила твоему сыночку». «А, так, значит, эта самая ведьма и разогнала непогоду и напоила твою опочивальню благоуханием роз и гвоздик, — сказал я, недоверчиво усмехнувшись. — Могла бы поднести мальчику что-нибудь поценней дудочки, — хотя бы мешок с золотом, коня или еще что в том же роде!» Твоя мать заклинала меня не издеваться над феями, ведь они вспыльчивы, и в их власти сделать так, что подарок на счастье принесет несчастье.

Она была больна, поэтому я не стал перечить и умолк. Больше про это удивительное происшествие мы ни разу не поминали, только шесть лет спустя, когда твоя мать почувствовала, что, несмотря на свою молодость, скоро умрет, она дала мне ту дудочку и поручила в день, когда тебе исполнится двадцать лет, отдать ее тебе, и ни в коем случае не отпускать тебя из дому хотя бы на час раньше этого дня. Она умерла. Вот этот подарок, — продолжал Бенезар, достав из ларчика серебряную дудочку на длинной золотой цепочке, — тебе сейчас только восемнадцать, не двадцать лет, но я даю ее тебе, потому что ты уезжаешь, а я могу отойти к праотцам еще до твоего возвращения. Я не вижу разумного основания два лишних года удерживать тебя здесь, как того хотела заботливая твоя мать. Ты добрый, рассудительный юноша, оружием владеешь не хуже двадцатичетырехлетнего, и я уже сейчас могу считать тебя совершеннолетним, все равно, как если бы тебе уже минуло двадцать. А теперь, поезжай с миром и в счастье и в несчастье, от которого да храпит тебя небо, помни о своем отце!

Так сказал Бенезар из Бальсоры, отпуская сына в путь. Саид растрогался, прощаясь с отцом, надел цепочку на шею, засунул дудочку за кушак, сел на коня и поскакал туда, откуда отправлялся караван в Мекку. Вскорости караван в восемьдесят верблюдов и несколько сот всадников тронулся в путь, и Саид выехал из ворот Бальсоры, своего родного города, который ему не скоро суждено было снова увидеть.

Вначале его развлекала новизна путешествия и разные разности дотоле им невиданные, но по мере приближения каравана к пустыне местность становилась все более голой и безлюдной, и

Саидом овладели разные мысли, между прочим задумался он и над прощальными словами Бенезара, своего отца.

Он вытащил из-за кушака дудочку, осмотрел ее со всех сторон и под конец приложил к губам, ожидая, что она издаст громкий красивый звук, но – вот так штука! – она не зазвучала; он надул щеки и стал дуть что было мочи, но звука так и не извлек; недовольный ненужным подарком, сунул он дудочку опять за кушак. Однако вскоре снова задумался над таинственными словами матери. Ему доводилось слышать о феях, но ни разу не слышал он, чтобы тот или иной из его соседей вступал в общение с сверхъестественными силами; сказания о духах обычно относили к далеким странам и давно минувшим временам, вот он и полагал, что в наши дни фей не бывает, или же они перестали являться людям и принимать участие в их судьбе. Но хотя он так думал, все же им снова и снова овладевало желание поверить в то таинственное и сверхъестественное, что могло произойти с его матерью, вот потому-то он почти целый день ехал словно во сне, не принимая участия в беседе спутников, и не обращал внимания на их пение и смех.

Саид отличался редкой красотой; взгляд его был смел и отважен, рот приятно очерчен, и, несмотря на молодость, во всем его облике было такое достоинство, какое не часто встретишь в столь юные годы, а та осанка, та легкость, та уверенность, с которой он в полном воинском снаряжении сидел на коне, привлекали к нему взоры многих путников.

Старику, ехавшему с ним рядом, он очень поправился, и тот решил расспросить его и узнать его мысли. Саид, которому отец с детства внушил почтительность к старости, отвечал скромно, но умно и обдуманно, чем весьма порадовал старика. Поскольку Саид целый день размышлял все об одном и том же, разговор вскоре перешел на таинственное царство фей, и Саид задал старцу откровенный вопрос, верит ли тот в существование фей и добрых и злых духов, которые охраняют или преследуют человека. Старик погладил бороду, покачал головой и затем ответил:

– Начисто отрицать, что такое возможно, нельзя, хотя мне до сего дня не довелось еще видеть духов ни в образе гнома, ни в образе великана, а также не встречал я волшебников и фей.

Потом старик принялся рассказывать Саиду столько разных историй о чудесах, что вскружил юноше голову, и тот теперь уже думал, будто все, что творилось при его рождении – перемена погоды, сладостный аромат роз и гиацинтов – великое и счастливое предзнаменование; верно, его охраняет могучая, добрая фея, и дудочка подарена ему именно для того, чтобы оповестить фею, ежели он попадет в беду. Всю ночь ему снились дворцы, волшебные кони, духи и все такое, он поистине жил в волшебном царстве.

Но, к сожалению, уже на следующий день ему пришлось убедиться, сколь тщетны все его грезы и во сне, и наяву. Караван, медленно выступая, шел уже больше чем полдня по пустыне, Саид все так же ехал рядом со стариком, своим спутником, как вдруг далеко на горизонте показались какие-то темные тени; одни сочли их за песчаные холмы, другие – за облака, а кое-кто за встречный караван, но старик, которому уже не раз приходилось пересекать пустыню, громко крикнул, что надо принять меры: приближается разбойничья орда арабов-кочевников. Мужчины взялись за оружие и кольцом окружили женщин и товары, все приготовились отразить нападение. Темная масса медленно подвигалась к ним и напоминала огромную стаю аистов, собравшуюся для отлета в дальние края. Затем орда стала приближаться быстрее и быстрее, и не успели путники различить всадников, вооруженных копьями, как арабы с быстротой ветра налетели на караван.

Мужчины храбро оборонялись, но разбойников было больше четырех сотен, они окружили караван со всех сторон, многих еще издалека застрелили из луков, а потом пустили в ход копья. В эту страшную минуту Саид, все время отважно сражавшийся в первых рядах, вспомнил о своей дудочке, он быстро вытащил ее, приложил к губам, дунул и... и грустно опустил, – она не издала ни звука. Разъяренный, жестоко разочарованный он прицелился и пустил стрелу в грудь арабу, выделявшемуся среди прочих богатой одеждой; тот закачался и упал с лошади.

– Аллах! Что вы наделали, юноша! – воскликнул старик, ехавший рядом. – Теперь всем нам конец!

И так оно и случилось. Как только разбойники увидели, что тот

человек упал, они озверели, с неистовыми криками набросились на караван и быстро справились с немногими еще не ранеными мужчинами. Саида в мгновение ока окружили пять-шесть арабов. Он так ловко владел копьем, что никто не смел к нему подступить; наконец один араб натянул лук, прицелился и уже хотел спустить тетиву, но тут другой подал ему знак. Саид приготовился к новому натиску, но не успел он опомниться, а уж другой разбойник набросил ему на шею петлю, и, как Саид ни старался разорвать веревку, все усилия его были тщетны, петля затягивалась все туже и туже, — Саид оказался пленником.

Караван был частью уничтожен, частью взят в плен. Арабы, принадлежавшие к разным племенам, поделили между собой пленников и добычу, а затем ускакали одни на юг, другие на восток. Саида сопровождали четыре вооруженных всадника, они часто окидывали его злобными взглядами и осыпали проклятиями. Он понял, что убил знатного человека, может даже сына вождя. Рабство, которое предстояло ему, было горше смерти. Поэтому он втайне радовался, что навлек на себя гнев всего племени, ведь он был уверен, что, вернувшись на становище, арабы его убьют. Вооруженные всадники следили за каждым его движением и, как только он оглядывался, грозили ему копьями; но раз, когда лошадь одного из них споткнулась, Саид быстро оглянулся и с радостью увидел старика, своего спутника, которого считал убитым.

Наконец вдаль показались деревья и палатки, а когда подъехали ближе, навстречу прибывшим хлынула целая толпа женщин и детей; но при первых же словах разбойников они, громко плача, злобно глядели на Саида, выкрикивали проклятия и угрожающе размахивали руками. «Так это он убил великого Альмансора, храбреца из храбрецов! — кричали они. — Он повинен смерти, мы бросим его тело на съедение шакалам». Потом, озверев, схватив все, что попало под руки, — обломки дерева, камни, — кинулись они к Саиду с таким остервенением, что разбойникам пришлось вмешаться. «Прочь, молокососы! Женщины, куда вы лезете? — кричали они, копьями разгоняя толпу. — Он сразил великого Альмансора в бою, он повинен смерти, но не от руки женщины, а от меча храбрых».

Выбравшись на свободное от палаток место, они остановились; пленных связали по двое, добычу внесли в палатки, а Саида связанным отвели в большую палатку. Там сидел старик в роскошном одеянии, серьезная, гордая осанка которого говорила, что он возглавляет эту орду. Те арабы, что привели Саида, предстали пред ним, печально склонив головы.

— Громкий плач женщин оповестил меня о случившемся, — промолвил величественный муж, окинув взглядом одного за другим всех разбойников, — по вашим лицам я вижу, что догадка моя подтвердилась — Альмансор пал в бою.

— Да, Альмансор пал в бою, — ответили разбойники, — но тут, о Селим, владыка пустыни, пред тобой тот, кто его убил, вот он, суди его. Какой смертью должен он умереть? Пронзить ли его стрелами, прогнать ли сквозь строй копий, а, может, ты пожелаешь его повесить или привязать к лошадям, чтоб они разорвали его?

— Кто ты? — спросил Селим, бросив мрачный взгляд на пленного, мужественно стоявшего перед ним в ожидании смерти.

Саид кратко и без утайки ответил на его вопрос.

— Как ты убил моего сына — нанес ему удар в спину, предательски пронзив стрелой или копьем?

— Нет, господин, — отвечивал Саид, — я убил его в честном бою, когда кочевники напали на наш караван, я пустил стрелу ему в грудь, потому что у меня на глазах от его руки пали восемь моих спутников.

— Все так, как он говорит? — спросил Селим тех, кто привели Саида.

— Да, повелитель, он убил Альмансора в честном бою, — ответил один из них.

— Значит, он поступил так, как поступил бы каждый из нас, — возразил Селим, — он сразился с врагом, который хотел отнять у него свободу и жизнь, и убил его; поэтому немедля развяжите его!

Разбойники с удивлением взглянули на своего вождя и нехотя, нерешительно исполнили приказание.

— Значит, убийца твоего сына, храброго Альмансора, не повинен смерти? — спросил один из них, бросив гневный взгляд на Саида.

– Лучше бы мы его сразу убили!

– Он не повинен смерти! – изрек Селим. – Больше того, я беру его к себе в палатку как по закону положенную мне долю добычи, пусть будет при мне слугой!

Саид не находил слов благодарности, но его провожатые роптали, покидая палатку, а когда женщины и дети, не уходившие в ожидании казни Саида, услышали решение Селима, они подняли плач и вопли, кричали, что отомстят убийце за смерть Альмансора, раз родной отец не желает соблюсти обычай кровной мести.

Остальных пленных воины поделили между собой; одних отпустили, чтобы получить выкуп за более богатых, других послали пасти стада, а некоторых, коим до сего дня служили не меньше десяти рабов, назначили на самую черную работу. Не так обстояло дело с Саидом. То ли помог его мужественный, героический облик, то ли таинственное волшебство доброй феи, сказать трудно, но, так или иначе, Саид завоевал расположение старика Селима. Он жил в его палатке скорее как сын, нежели как слуга, но непонятная привязанность старика-вождя возбудила неприязнь остальных слуг. Всюду Саид встречал враждебные взгляды, а когда шел один по лагерю, слышал брань и проклятия, несколько раз даже пролетала у самой его груди стрела, несомненно предназначенная ему, и то, что смерть миновала его, он приписывал таинственной дудочке, которую все еще носил на груди, веря, что это она охраняет его. Часто жаловался он Селиму на нападки, но тщетно пытался тот найти коварных арабов, покушавшихся на жизнь Саида; казалось, все племя объединяла вражда к чужеземцу, взысканному милостью вождя. И вот однажды Селим сказал:

– Саид, я надеялся, что ты, быть может, заменишь мне сына, погибшего от твоей руки; не твоя и не моя вина, что надежды мои не оправдались; все озлоблены против тебя, и даже я уже не смогу охранить тебя. Что пользы тебе или мне, если я осужу виновного, тайно тебя убившего? Поэтому, когда мои люди вернутся с набега, я скажу, что отец твой прислал за тебя выкуп, и повелю верным мне людям проводить тебя через пустыню.

– Но кому, кроме тебя, могу я верить? – спросил в смущении Саид. – Не убьют они меня дорогой?

– От этого охранит тебя клятва, которую я с них возьму, никто никогда еще не нарушал данной мне клятвы, – успокоил его Селим.

Спустя несколько дней в становище воротились те арабы, что ходили в набег, и Селим сдержал свое слово. Он подарил Саиду оружие, одежду и коня, созвал воинственных мужей, выбрал пятерых ему в провожатые, взял с них страшную клятву, что они не убьют Саида, и со слезами отпустил его.

Дорогой все пятеро хранили мрачное молчание. Саид видел, сколь неохотно выполняют они данное им поручение, немало заботило его и то, что двое из них участвовали в схватке, во время которой он убил Альмансора. Когда они были в пути уже почти восемь часов, Саид заметил, что они еще больше помрачнели и о чем-то перешептываются. Он напряг слух и уловил, что шепчутся они на тайном языке, который в ходу только в этом племени, да и то только при обсуждении особо опасных дел. Селим, лелея мечту навсегда удержать юношу у себя в палатке, не один час посвятил обучению его этому языку. Ничего отрадного Саид не слышал.

– Вот здесь, здесь, мы напали на караван, – сказал один из провожатых, – и здесь отважнейший из мужей пал от руки юнца.

– Ветер развеял следы его коня, но я не забыл их, – заметил другой.

– И к нашему позору тот, от чьей руки пал Альмансор, жив и отпущен на свободу. Слыханное ли это дело, чтобы отец не отомстил за смерть единственного сына? Но Селим постарел и впадает в детство.

– Ежели отец не выполняет своего долга, то друг обязан отомстить за смерть убитого друга. Здесь, на этом самом месте мы должны были бы его зарубить. Так с незапамятных времен велят закон и обычай.

– Но мы же поклялись старику Селиму, – возразил пятый, – мы не можем его убить, клятву нарушить нельзя.

– Это правда, мы поклялись, – отозвались остальные, – и убийца должен уйти невредимым из рук своих врагов.

– Стойте! – воскликнул один, самый мрачный из всех. – Старик Селим умен, но все же не так умен, как полагают. Разве мы

покаялись ему доставить юношу в то или другое место? Нет, он взял с нас клятву, что мы не лишим его жизни, и жизни мы у него не отнимем. Но палящее солнце и острые зубы шакалов отомстят за нас. Мы свяжем его и оставим здесь, на этом самом месте.

Так сказал разбойник, но Саид уже решился на крайнее средство, и не успел тот разбойник договорить, как Саид рванул своего коня в сторону, со всей мочи хлестнул его и птицей понесся по ровной пустыне. Все пятеро на минуту остолбенели от удивления, но преследовать беглеца было для них делом привычным, они разделились на две группы, одни стали обходить его справа, другие слева, и, будучи опытнее его в верховой езде в условиях пустыни, двое из них быстро обогнали Саида и поскакали ему наперерез. Он метнулся в сторону, но там его тоже ждали двое, а пятый преградил ему дорогу назад. Памятуя о данной клятве не убивать Саида, они не прибегли к оружию, и на этот раз ему опять набросили сзади петлю на шею, стащили с коня, безжалостно избили и, связав по рукам и ногам, оставили на раскаленном песке.

Саид умолял пощадить его, кричал, обещал большой выкуп, но они, громко смеясь, вскочили в седла и ускакали. Саид напряженно прислушивался, некоторое время до него еще долетал легкий бег их коней, но потом он понял, что обречен на гибель. Он думал об отце, думал, как будет горевать старик, когда поймет, что сын не вернется. Думал о беде, постигшей его самого, о своем раннем уходе из жизни, ведь он был уверен, что или его ждет мучительная смерть от голода и жажды на раскаленном песке пустыни, или его растерзают шакалы. Солнце поднималось все выше и немилосердно жгло ему лоб. С неимоверным трудом удалось ему повернуться на бок, но это не принесло облегчения. При этих усилиях из-за его кушака выпала дудочка, висевшая на цепочке. Он долго мучительно старался дотянуться до нее ртом, наконец коснулся ее губами, попробовал подуть, но и сейчас, в его крайней беде, она отказалась ему помочь. В отчаянии повалился он навзничь; пролежав сколько-то времени под палящими лучами солнца, он потерял сознание и впал в глубокое забытие.

Прошло несколько часов. Наконец Саида пробудил шорох у самого его уха, и тут же он почувствовал, что кто-то схватил его за плечо. Саид в ужасе завопил, думая, что это шакал и сейчас он его растерзает. Теперь кто-то тронул его за ноги, но он чувствовал, что не дикий зверь впился когтями ему в ногу, ее осторожно ощупывает рука человека, и человек этот говорит с другими. «Он жив, – шепчутся они, – да, но он принимает нас за врагов».

Наконец Саид открыл глаза и увидел, что над ним склонился низкорослый, пузатый человек, длиннобородый, с заплывшими глазками. Человек этот ласково с ним заговорил, помог ему приподняться, накормил и напоил и, пока Саид подкреплялся, рассказал, что он багдадский купец, что зовут его Калум-бек и торгует он шальями и тонкими женскими чадрами. Он ездил по торговым делам, сейчас возвращается домой. Он увидел лежащего на песке изнемогшего, полумертвого человека, чье роскошное одеяние и сверкающий драгоценными камнями ятаган привлекли его внимание. Он сделал все, чтобы оживить его, и это ему удалось. Юноша поблагодарил вернувшего его к жизни купца, ибо отлично понимал, что без его помощи был обречен на мучительное умирание.

Не видя возможности самостоятельно двинуться в путь, да и не имея охоты в одиночку, пешком блуждать по безлюдной пустыне, он с благодарностью принял предложение купца сесть на одного из его тяжело нагруженных верблюдов и вместе со всем караваном отправиться в Багдад, а там ему, может, удастся с одним или другим караваном добраться до Бальсо́ры.

По дороге купец занимал своего спутника рассказами о Гаруне аль-Рашиде, славном повелителе правоверных. Рассказывал о его любви к справедливости, о его светлом уме, об умении удивительно просто разрешать самые запутанные и спорные дела. Упомянул историю о канатном мастере и другую – о горшке с оливами, истории, известные каждому ребенку, но поразившие Саида.

– Наш властелин, повелитель правоверных, – продолжал купец, – наш властелин человек, достойный удивления. Ежели вы думаете, что он спит по ночам, как прочие люди, вы жестоко ошибаетесь.

Два-три часа на рассвете – и это все. Я-то не могу не знать, ведь Месур, старший хранитель его казны, мне родня, и хотя, когда дело касается тайн его повелителя, он нем как могила, все же в угоду близким родственникам он, видя, что кто-нибудь из них просто сгорает от любопытства, нет-нет да что-нибудь и расскажет. Так вот, вместо того чтобы спать, как все люди, калиф ночью бродит по улицам Багдада, и редкая неделя обходится без приключения. Вы должны знать, – кстати это явствует и из истории про горшок с оливами, столь же истинной, сколь и слово пророка, – вы должны знать, что он не объезжает улицы верхом на коне, в полном параде, окруженный телохранителями и сотней факельщиков, а ведь, если бы он пожелал, он мог бы это сделать, нет, он ходит пешком, переодетый то купцом, то мореплавателем, то простым воином, то муфтием, и глядит, все ли спокойно и мирно.

Поэтому-то в Багдаде, как ни в одном другом городе, ночью с любым встречным болваном отменно вежливы в обхождении. Ведь столь же легко можно натолкнуться на калифа, как на грязного араба-кочевника, а батогов у нас хватит, чтобы надавать по пяткам всем багдадским и окрестным жителям.

Так говорил купец, и Саид, хотя его и не оставляла тоска по отцу, все же радовался, что увидит Багдад и прославленного Гаруна аль-Рашида.

После десятидневного пути они прибыли в Багдад. Саид, пораженный великолепием города, в те дни как раз расцветшего во всей своей красе, не переставал им любоваться. Купец пригласил его к себе, Саид охотно принял его приглашение, ибо только сейчас в городской суете он понял, что, кроме воздуха, воды из Тигра и ночлега на ступенях мечети, здесь ничего даром не получишь.

Наутро, когда Саид только-только оделся и, оглядев себя, решил, что в таком богатом одеянии и при доспехах не худо покрасоваться на улицах Багдада и, пожалуй, можно даже обратить на себя внимание, к нему вошел купец. Лукаво усмехаясь и поглаживая бороду, оглядел он молодого красавца и сказал:

– Все это прекрасно, молодой человек! Но что вы собираетесь

делать дальше? Мне сдается, что вы большой мечтатель и не думаете о завтрашнем дне; или у вас хватит денег, чтобы жить под стать тому наряду, что на вас?

— Почтеннейший Калум-бек, — сказал юноша, краснея от смущения, — денег-то у меня как раз нет, но, может быть, вы мне сколько-нибудь одолжите, чтобы я мог вернуться домой. Мой отец, конечно, с вами честно расплатится.

— Твой отец, голубчик? — громко смеясь, воскликнул купец. — Не иначе, как солнце растопило тебе мозги. Так я и поверил тебе на слово, поверил тем сказкам, что ты плел мне дорогой: у тебя-де в Бальсоре богатый отец, а ты единственный сын, и про нападение арабов, и про твою жизнь в их становище, и пятое-десятое. Уже тогда возмущала меня твоя наглая ложь и нахальство. Я знаю, что в Бальсоре все богатые люди — купцы, сам со всеми дела веду и, конечно, слышал бы о некоем Бенезаре, даже если бы всего имущества у него было только на шесть тысяч туманов. Значит, или ты выдумал, что ты из Бальсоры, или твой отец бедняк и его беглому сыну я и медяка в долг не поверю. А нападение в пустыне! Да слуханное ли это дело, чтобы с тех пор, как мудрый калиф Гарун обезопасил торговые пути через пустыню, разбойники осмелились ограбить караван да еще увести пленных? Да слух об этом распространился бы сразу; а за весь мой путь, да и здесь, в Багдаде, куда отовсюду стекается народ, об этом никто не говорит. Это вторая бессовестная ложь, молодой человек!

Побледнев от гнева и негодования, Саид хотел прервать речь злобного старика, но тот перекрикивал его, да к тому же еще размахивал руками.

— А третья ложь, дерзкий лгунишка, это рассказ о твоей жизни в становище Селима. Имя Селима хорошо известно всем, кто когда-либо имел дело с арабами. Селим известен как самый страшный и жестокий разбойник, а ты смеешь утверждать, что убил его сына; да тебя зарубили бы тут же на месте; ты так обнаглел, что рассказываешь всякие небылицы: Селим, видите ли, охранял тебя от своих же арабов, взял к себе в палатку и отпустил без выкупа, это он-то! Да он вздернул бы тебя на первом попавшемся дереве; он часто вешал путников только ради удовольствия

посмотреть на страшное лицо висельника. Ах ты, мерзкий лжец! — Я могу сказать только одно, — крикнул юноша, — все это правда, клянусь моей душой и бородою пророка!

— Ах, так, ты клянешься твоей душой? — воскликнул купец. — Твоей черной, лживой душой? Да кто тебе поверит? И бородою пророка, когда у самого и борода-то еще не отросла! Да кто даст твоим словам веру?

— Свидетелей у меня правда нет, — продолжал Саид. — Но ведь вы же нашли меня связанным и полумертвым.

— Это еще ничего не доказывает, — возразил тот, — ты одет как знатный разбойник, и легко могло статься, что ты напал на более сильного, он тебя одолел и связал.

— Хотел бы я посмотреть на человека, который одолел бы меня в одиночку и, связав, бросил наземь, меня и двоим-то не одолеть, ведь они накинули мне сзади петлю на шею, — возмутился Саид. — Вы у себя на базаре не знаете, как силен умело владеющий оружием человек, даже когда он один. Но вы спасли мне жизнь, и я вам благодарен. Что же вы теперь собираетесь со мной делать? Если вы мне не поможете, придется мне просить милостыню, а я не хочу просить у тех, кто мне равен. Я обращусь к калифу.

— Вот как? — сказал купец, насмешливо улыбаясь. — Только к нашему всемилостивейшему повелителю и ни к кому больше? Это я называю просить милостыню по-благородному! Да, да! Только не забывайте, благородный молодой человек, что по пути к калифу вам не миновать моего родственника Месура, хранителя казны, а мне довольно шепнуть ему слово и обратить его внимание на то, что ты умелый лгун. Но ты так молод, Саид, мне жаль тебя. Ты можешь исправиться, из тебя еще может выйти толк. Я возьму тебя на базар к себе в лавку, прослужишь там год, а пройдет год и ты не захочешь остаться, я заплачу тебе, что причитается, и отпущу на все четыре стороны, хочешь в Алеппо или в Медину, в Стамбул или в Бальсору, по мне, хоть к неверным. Даю тебе срок для размышления до полудня, согласишься — отлично; не согласишься — я подсчитаю по сходной цене, во что ты мне стал в пути, да прибавлю еще стоимость за место на верблюде, в уплату возьму твою одежду и все, что у тебя есть, и выгоню на улицу, тогда ступай просить милостыню,

где тебе угодно; хочешь – у калифа иди муфтия, хочешь – на ступенях мечети или на базаре.

С этими словами жестокосердый купец вышел. Саид с презрением посмотрел ему вслед. Он был так возмущен низостью купца, который подобрал его и заманил к себе в дом намеренно, чтобы заполучить в свои руки. Он огляделся, нельзя ли сбежать, но окна были за решетками, а двери на запоре. Наконец, после долгого раздумья и колебаний, решил он на первое время согласиться на предложение купца и послужить у него в лавке. Он понял, что другого выхода нет, ведь даже если бы ему удалось сбежать, без денег до Бальсоры все равно не добраться. Но он вознамерился при первой возможности попросить самого калифа взять его под защиту.

На следующий день Калум-бек повел своего нового слугу на базар к себе в лавку. Он показал ему шали, чадры и прочий товар и объяснил, в чем состоят его обязанности. С этого дня Саид в одежде приказчика, без всяких воинских доспехов, с роскошной чадрой в одной руке и шалью в другой, стоял в дверях лавки и зазывал проходящих мужчин и женщин, расхваливал товар, говорил его цену и предлагал купить. Скоро Саиду стало ясно, почему Калум-бек взял его в зазывалы. Сам Калум-бек был низкорослый, уродливый старик, и когда он стоял в дверях лавки и зазывал покупателя, то соседи, а то и прохожие, отпускали в его адрес насмешливое словцо, мальчишки дразнили его, женщины обзывали пугалом, а на молодого, статного Саида, который был вежлив в обращении и умел показать товар лицом, было приятно смотреть. Когда Калум-бек увидел, что с тех пор, как у входа в лавку стоит Саид, у него прибавилось покупателей, он помягчел в обращении с ним, стал лучше кормить и одевать наряднее и к лицу. Но Саида мало трогали эти доказательства благосклонности хозяина, и днем и ночью, даже во сне, он и так и сяк прикидывал, как бы ему вернуться на родину.

Однажды, когда торговля в лавочке Калум-бека шла особенно бойко и все упаковщики, в обязанности которых входило доставлять покупателям товар на дом, были разосланы, в лавку вошла старая женщина и тоже что-то купила. Выбирала она недолго и, пообещав на чай, потребовала, чтобы ей донесли

покупку до дому.

— Будьте любезны, потерпите с полчасика, и все вам будет доставлено, — сказал Калум-бек, — или наймите другого носильщика.

— Вы же купец и хотите, чтобы ваши покупатели пользовались услугами случайных носильщиков? — возразила женщина. — А что, если такой малый скроется в толпе с моей покупкой? Где мне тогда искать на него управу? По рыночному закону вы обязаны доставить покупку мне на дом, и я буду этого требовать.

— Только полчасика подождите, уважаемая, — просил купец, боязливо глядя вокруг. — Все мои люди разосланы.

— Лишь в жалких лавчонках не хватает людей для услуг, — возразила сердитая покупательница. — А вот там в дверях что за бездельник стоит? Иди сюда, малый, бери сверток и ступай за мной!

— Стойте, стойте! — закричал Калум-бек. — Да это мой зазывала, моя вывеска, мои магнит! Ему нельзя отходить от порога!

— Подумаешь! — возразила женщина и без долгих слов сунула свой сверток Саиду под мышку. — Плох тот купец и плохи его товары, раз они сами за себя не говорят и нуждаются в вывеске — в бездельнике зазывале, идем, идем, малый, заработаешь на чай!

— Ну тебя к Ариману и всем духам тьмы! Беги! — проворчал Калум-бек вслед своему магниту. — Да смотри скорей возвращайся. Старая ведьма чуть не вывела меня из себя, еще немного — и я поднял бы крик на весь базар!

Саид поспешил за женщиной, которая не по возрасту легко побежала по базару, а на улице еще прибавила шагу. Она остановилась у великолепного дома, постучала, двери распахнулись, женщина поднялась по мраморной лестнице и поманила за собой Саида. Они пришли в высокий просторный покой. Саиду еще не доводилось видеть столько богатства и роскоши. Там старая дама опустилась в изнеможении на подушки, указала ему, куда положить сверток, дала мелкую серебряную монету и отпустила.

Он был уже в дверях, когда кто-то звонким нежным голосом окликнул его: «Саид!» Удивившись, что его здесь знают, он оглянулся — на подушке вместо старой дамы сидела окруженная

рабами и прислужницами писаная красавица. Саид, онемев от восхищения, скрестил на груди руки и низко ей поклонился.

— Саид, милый мой юноша, — обратилась к нему красавица. — Я очень сожалею, что на пути в Багдад тебя постигло столько злоключений, но именно здесь, только здесь предначертано было судьбой развеяться тем чарам, под власть которых ты подпал, покинув родительский кров до того, как тебе исполнилось двадцать лет. Саид, дудочка еще у тебя?

— Да, у меня, — радостно воскликнул он и вытащил золотую цепочку, — уж не вы ли та добрая фея, что при моем рождении сделала мне этот подарок?

— Я была другом твоей матери, останусь и твоим другом, если ты сам будешь добрым и хорошим. Ах, зачем твой отец столь легкомысленно не послушался моего совета! Ты избежал бы многих бед.

— Значит, так было суждено! — ответил Саид. — Но, милостивая фея, прикажите, чтобы сильный норд-ост впрягся в вашу облачную колесницу, подхватите меня и за две минуты домчите в Бальсору к отцу, и я терпеливо доживу там те полгода, что остались до моего двадцатилетия.

Фея улыбнулась.

— Ты умеешь разговаривать с нами, — сказала она. — Но, бедняжка Саид, это невозможно. Сейчас, когда ты не в родительском доме, помочь тебе я бессильна. Бессильна даже освободить тебя из-под власти презренного Калум-бека. Ему покровительствует враждебная тебе могущественная фея.

— Так, стало быть, у меня есть не только добрый друг, но и злой недруг? — спросил Саид. — Сдается мне, я уже не раз испытал на себе воздействие злых чар. Но помогите мне советом, ежели это в вашей власти! Пойти ли мне к калифу и попросить у него защиты? Он мудр, он защитит меня от Калум-бека.

— Да, Гарун мудр, но, к сожалению, он всего только человек. Он, как самому себе, доверяет главному хранителю казны Месуру, и он прав, ибо испытал Месура и убедился, что это человек верный, а Месур, в свою очередь, как самому себе, верит твоему другу Калум-беку, и в этом он не прав, потому что Калум человек плохой, хоть он и родня Месуру. Калум хитер и, как

только вернулся сюда, наговорил о тебе всякие были и небылицы Месуру, а тот пересказал его басни калифу, и ты будешь плохо принят, если явишься во дворец. Но есть другие возможности и пути к нему приблизиться, а тебе звездами предначертано завоевать его расположение.

— Да, что и говорить, дела мои плохи, — печально промолвил Саид. — Придется мне еще какое-то время стоять у лавки презренного Калум-бека. Но одну мою просьбу, глубокочтимая фея, вы, может быть, все же могли бы уважить. Я обучен ратному искусству, и для меня наибольшая радость — ристанье, где состязаются в метании копья, стрельбе из лука, сражениях тупыми мечами. Самые знатные багдадские юноши каждую неделю участвуют в подобных состязаниях. Но на ристалище могут выступать только свободные люди в богатых доспехах и одежде, и, уж конечно, не слуга базарного лавочника. Если бы только вы могли сделать так, чтобы раз в неделю я имел коня, богатое одеяние и доспехи и чтобы узнать меня было не так-то легко...

— Благородный юноша вправе высказать такое желание, — сказала фея. — Твой дед по матери был самым отважным мужем в Сирии, и его дух, видно, унаследовал и ты. Запомни этот дом; здесь каждую неделю будут ждать тебя два оруженосца верхами, с конем для тебя, здесь же найдешь ты одежду, доспехи и воду, умыв ею лицо, ты станешь ни для кого неузнаваем. А теперь, Саид, прощай! Запасись терпением, будь разумен и добродетелен! Через полгода твоя дудочка издаст звук, и голос ее дойдет до слуха Зулимы.

С чувством благодарности и благоговения расстался юноша со своей чудесной покровительницей. Он запомнил дом и улицу и пошел обратно.

Саид вернулся на базар как раз вовремя и успел в последнюю минуту защитить своего хозяина Калум-бека и спасти ему жизнь. Перед лавкой толпился народ, мальчишки плясали и дразнили купца, старики покатывались со смеху. А он, дрожа от ярости, не зная, куда ему деться, стоял перед лавкой с чадрой в одной руке и шалью в другой. Эта неожиданная сцена была вызвана происшествием, случившимся после ухода Саида. Калум сам стал в дверях вместо своего красавца-слуги и зазывал покупателей, но

народ не шел в лавку к уродливому старику. По базару бродили двое мужчин, желавших купить подарки для своих жен. Они уже несколько раз обошли базар, высматривая, на чем бы остановиться, и как раз сейчас опять проходили мимо лавки Калум-бека, разглядывая товары.

Калум-бек, приметивший их, подумал, что не худо бы извлечь из их нерешительности выгоду.

— Сюда, сюда, государи мои! — крикнул он. — Что вам надобно? Вот отличные шали, отличный товар!

— Товар у тебя, почтеннейший, возможно, хороший, — ответил один из них, — но жены у нас привередницы, а в Багдаде все теперь покупают чадры только у красавца зазывалы, у Саида. Мы уже исходили весь базар, разыскивая его, и никак его не найдем. Скажи, где он может быть, и в другой раз мы у тебя что-нибудь купим.

— Аллах, Аллах! — воскликнул Калум-бек, любезно осклабившись.

— Пророк привел вас, куда вам требуется. Вы ищете красавца зазывалу, чтобы купить чадры? Входите, входите — вот его лавка.

Подумав, что неказистый, пузатый Калум выдает себя за красавца зазывалу, один из мужчин окинул его насмешливым взглядом и громко расхохотался. А другой счел, что Калум над ним издевается и, не желая оставаться в долгу, крепко выругался. Это вывело Калум-бека из себя; он призвал в свидетели соседей, что именно его лавку, а не какую другую называют лавкой красавца зазывалы, но соседи, с завистью видевшие, как с некоторых пор успешно идет его торговля, отнекивались и отговаривались незнанием, тогда оба человека накинулись на старого вруна, как они его называли. Калум защищался скорее не кулаками, а криком и руганью, и этим привлек к своей лавке кучу народа; полгорода знали его как жадного, подлого скареда, и окружающие радовались сыпавшимся на него тумакам; один из обидчиков уже вцепился ему в бороду, но тут кто-то схватил его самого за руку и рывком бросил на землю с такой силой, что с головы у него свалился тюрбан, а туфли отлетели далеко в сторону.

Толпа, которая охотно смотрела на расправу с Калум-беком,

громко выразила свое недовольство, приятель поваленного оглянулся на того, кто посмел отшвырнуть его друга, но, увидя высокого сильного юношу с отважно сверкающим взором, побоялся схватиться с ним, да к тому же Калум, которому спасение показалось поистине чудесным, громко крикнул, указывая на юношу:

— Ну, чего вам еще нужно? Вот он перед вами, это и есть Саид, красавец зазывала.

В толпе засмеялись, ведь все знали, что Калум-бек пострадал незаслуженно. А тот человек, которого отшвырнул Саид, чувствуя себя посрамленным, хромая, заковылял прочь вместе со своим приятелем, так и не купив ни чадры, ни шали.

— О звезда всех зазывал, краса базара! — воскликнул Калум, войдя с Саидом в лавку. — Поистине, это называется поспеть вовремя, протянуть человеку руку помощи, иначе не скажешь. Ведь он лежал, как подкошенный, словно и на ногах-то никогда не стоял! А я, я — да опоздай ты хоть на минуту, мне и бровей больше не понадобился бы, нечего было бы расчесывать и умащивать. Скажи, как мне тебя вознаградить?

Рукою и сердцем Саида руководило чувство минутной жалости. Теперь, успокоившись, он почти раскаивался, что помешал проучить зловерного старика. «Будь у него вырван десяток волос, он бы десять дней был шелковым и покладистым», — подумал Саид; все же он решил воспользоваться благосклонным настроением Калум-бека и испросить в награду позволить ему раз в неделю проводить вечер по собственному усмотрению — то ли на прогулке, то ли еще как-нибудь.

Калум дал свое согласие, он ведь знал, что его подневольный слуга слишком рассудителен и не сбежит без денег и хорошей одежды.

Так Саид вскоре получил желаемое. В ближайшую среду — день, когда самые родовитые юноши собирались на одной из городских площадей для ратного состязания, Саид сказал Калуму, что этот вечер он хотел бы провести по собственному желанию, и с соизволения купца пошел на ту улицу, где жила фея, постучался, и ворота в тот же миг распахнулись. Слуги, казалось, были предупреждены о его приходе, не спросив, что ему угодно,

поднялись они с ним по лестнице в красивый покой; там ему подали воду для умывания, которая должна была сделать его неузнаваемым. Он омочил в ней лицо, затем погляделся в металлическое зеркало и сам себя не узнал: на загорелом лице росла красивая черная борода, он выглядел по крайней мере на десять лет старше.

Затем они повели его в другой покой, где для него было приготовлено великолепное одеяние, которое не посрамило бы самого багдадского калифа в день, когда он во всем блеске своего величия делает смотр войскам. Кроме тюрбана тончайшей ткани с алмазным аграфом и длинными перьями цапли и кафтана из тяжелой алой парчи, затканной серебряными цветами, там была еще серебряная кольчуга столь тонкой работы, что она повторяла все движения тела, и в то же время столь крепкая, что ей не были страшны удары копий и мечей. Дамасский клинок в богато украшенных ножнах, с бесценными, как показалось Саиду, самоцветными камнями на рукоятке, завершал его наряд. Когда он в доспехах покинул покой, один из слуг подал ему шелковый платок и сказал, что платок посылает ему повелительница этого дома: стоит утереть им лицо, борода и загар исчезнут.

Во дворе стояли три породистых коня, на самого красивого сел Саид, на двух других – его оруженосцы, и он весело поскакал на площадь, отведенную под ристалище. Пышность его наряда и великолепие доспехов привлекали к нему взоры всех, а когда он появился на площади, по толпе, обступившей ристалище, пробежал шепот восхищения. Здесь собирался весь цвет багдадской молодежи, самые отважные и знатные юноши; даже братья калифа гарцевали на конях и потрясали копьями. Когда появился никому не известный Саид, сын великого визиря с несколькими приятелями поехал ему навстречу, почтительно поклонился, пригласил принять участие в состязании и спросил, как его зовут и откуда он родом. Саид назвался Альмансором, сказал, что родом он из Каира, а сейчас путешествует и, наслышавшись об отваге и доблестях благородных багдадских юношей, не преминул воспользоваться возможностью увидеть их и познакомиться с ними. Юношам понравились обходительность и храбрая осанка Саида – Альмансора; они велели подать ему копье

и предложили выбрать себе соратников, потому что они уже разделились на две группы и будут состязаться и один на один, и всем отрядом.

Если внешность Саида уже привлекла к нему внимание, то теперь все еще больше дивились его необычайной ловкости и быстроте. Конь его носился птицей, а свистящий меч мелькал и того быстрее. Копье он бросал с такой легкостью, так далеко и так метко, словно это не копье, а стрела, пущенная из лука. Он победил самых отважных смельчаков, состязавшихся с ним, и по окончании ристания был единодушно признан победителем; один из братьев калифа и сын великого визиря, сражавшиеся на стороне Саида, попросили его помериться силами и с ними. Али, брата калифа, Саид победил, но сын великого визиря не уступал ему в доблести и после длительной борьбы они сочли за лучшее отложить решение до будущей встречи.

На следующий день в Багдаде только и речи было что о богатом и доблестном красавце чужеземце. Все, кто его видели, даже те, кого он победил, были в восторге от его благородного обхождения; Саид собственными ушами слышал разговоры о себе в лавке Калум-бека. Все сожалели только об одном: никто не знает, где он живет. В доме феи к следующему состязанию ему был приготовлен еще более роскошный наряд и еще более дорогие доспехи. На сей раз собралось пол-Багдада, сам калиф любовался с балкона этим зрелищем. Он тоже дивился на чужеземца Альмансора и, дабы выразить свое восхищение, когда игры закончились, повесил ему на шею большую золотую медаль на золотой цепи. Эта вторая блестящая победа не могла не возбудить зависти багдадских юношей. «Какой-то чужеземец приезжает к нам в Багдад, – говорили они, – и вырывает у нас из рук славу, почести и победу? И теперь пойдет похваляться по другим городам, что среди цвета багдадской молодежи нет никого, кто хоть в какой-то мере может помериться с ним силою». Так говорили они и порешили на следующем ристании, будто случайно, налететь на него впятером или вшестером.

От острого взгляда Саида не ускользнуло их недовольство; он видел, что они шушукаются по углам и с неприязнью посматривают на него. Он догадывался, что все, не считая брата калифа и

сына великого визиря, не очень-то дружелюбно к нему относятся, да и те двое своими расспросами: где можно с ним встретиться, чем он занимается, что ему, собственно, понравилось в Багдаде и другими подобными же — начинали его тяготить.

По странной случайности, молодой человек, особенно злым оком взиравший на Саида — Альмансора — и как будто особенно враждебно против него настроенный, оказался тем самым человеком, которого Саид незадолго перед тем свалил с ног у лавки Калум-бека как раз в ту минуту, когда тот вцепился в бороду злосчастному купцу. Этот человек все время внимательно, с завистью приглядывался к нему, правда, Саид уже несколько раз его побеждал, но это еще не было основанием для такой враждебности, и Саид опасался, не признал ли в нем тот по голосу или по росту зазывалу Калум-бека, а такое открытие сделало бы его мишенью для насмешек и мести. Злой умысел завистников потерпел неудачу как благодаря осторожности и отваге Саида, так и благодаря дружбе к нему брата калифа и сына великого визиря. Увидав, что его окружили не менее шести всадников и пытаются либо сбросить его с коня, либо обезоружить, они поскакали ему на помощь, разогнали нападающих и пригрозили за такой вероломный поступок удалить их с ристалища. Больше четырех месяцев Саид, на удивление всего Багдада, проявлял чудеса храбрости, и вот, как-то вечером, возвращаясь домой, он услышал, как говорили несколько человек, чьи голоса показались ему знакомыми. Впереди него медленно шли четверо и как будто о чем-то совещались. Саид осторожно подошел ближе и, прислушавшись, разобрал, что говорят они на тайном языке арабов из племени Селима; он догадался, что эти четыре араба замышляют какое-то разбойное нападение. Первым его побуждением было уйти, но, подумав, что ему, может, удастся предотвратить злодеяние, он решил подслушать их разговор и подкрался еще поближе.

— Привратник ясно сказал: по той улице, что справа от базара, по ней и ни по какой другой он пройдет с великим визирем этой ночью, — заметил один.

— Все это прекрасно, — отозвался другой. — Великий визирь мне не страшен, он стар, да и не герой, но калиф, говорят, хорошо

владеет мечом, и я не очень-то ему доверяю, уж конечно, за ним следом крадется с десятков, а то и больше телохранителей.

— За ним нет ни души, — возразил третий. — Если кто и узнавал его, встретив ночью, то видел его только с великим визирем или с хранителем казны. Сегодня ночью мы захватим его, но зла ему причинить нельзя.

— Я думаю, лучше всего набросить ему петлю на шею, — сказал первый. — Убивать его ни в коем случае нельзя, за его труп большого выкупа не дадут, да могут и никакого не дать.

— Значит, за час до полуночи! — уговорились они и разошлись, кто куда.

Саида немало встревожило готовящееся покушение. Он решил тут же поспешить во дворец и предупредить калифа о грозящей ему опасности. Но, уже пробежав по нескольким улицам, он вдруг вспомнил слова феи — ведь она сказала, что калифу его оговорили. Он подумал, что его могут высмеять или, еще того хуже, обвинить в желании вкрасься в доверие к повелителю Багдада, поэтому он замедлил шаг и счел за лучшее положиться на свой верный меч и самому спасти калифа от руки разбойников. Поэтому он не вернулся домой к Калум-беку, а сел на ступени мечети и стал дожидаться наступления ночи. Когда окончательно стемнело, он прошел мимо базара на улицу, указанную разбойниками, и спрятался за выступом дома. Там он простоял, должно быть, около часа и вдруг услышал шаги двух людей, медленно идущих по улице; вначале он подумал, что это калиф с великим визирем, но один из мужчин хлопнул в ладоши, и сейчас же со стороны базара к ним бесшумно присоединились еще двое. Они пошептались, затем трое спрятались недалеко от Саида, а один принялся ходить взад и вперед по улице. Ночь была очень темная, но тихая, и Саиду пришлось положиться только на свой острый слух.

Прошло еще с полчаса, и опять со стороны базара слышались шаги. Разбойник, должно быть, их тоже услышал; он прошмыгнул мимо Саида к базару. Шаги приближались, и Саид уже мог различить в темноте двух людей; тут разбойник хлопнул в ладоши, и в то же мгновение из засады выскочили те трое, что спрятались там. Те, на кого они напали, были, по всей

вероятности, вооружены, ибо Саид услышал звон скрестившихся мечей. Он не мешкая выхватил свой дамасский клинок и с криком: «Смерть врагам великого Гаруна!» – бросился на разбойников; первым ударом он сразил одного, затем налетел на двух других, которые набросили веревку на шею второму прохожему и пытались его обезоружить. Саид наугад ударил по веревке, но при этом так сильно хватил по руке разбойника, что отрубил ему кисть. Тот громко завопил и упал на колени. Теперь четвертый разбойник, который вел бой с другим человеком, бросился к Саиду, еще сражавшемуся с третьим разбойником. Но тот человек, что освободился от веревки, выхватил ятаган и вонзил его сбоку в грудь нападающему. Увидев это, еще оставшийся в живых разбойник бросил саблю и обратился в бегство.

Саид недолго оставался в неведении, кому он спас жизнь, потому что к нему подошел более рослый из двух и сказал:

– И покушение на мою жизнь или на мою свободу, равно как и нежданная помощь и спасение, одинаково удивительны. Как вы узнали, кто я? Вы знали о покушении?

– Повелитель правоверных, ибо я не сомневаюсь, что это ты, – ответил Саид, – сегодня вечером я шел по улице Эльмалек позади нескольких человек, чуждое и тайное наречие которых я в свое время научился понимать. Они говорили, что хотят тебя взять в плен, а твоего визиря, мужа достойного, убить. Предостеречь тебя было уж не успеть, и я решил оказать тебе помощь и пойти туда, где они хотели тебя подкараулить.

– Спасибо тебе, – сказал Гарун, – но лучше нам здесь не задерживаться. Вот тебе кольцо, и приходи с ним завтра ко мне во дворец, там мы потолкуем о тебе и оказанной мне помощи и обсудим, как мне вознаградить тебя. Идем, визирь, здесь оставаться опасно – как бы они не вернулись.

Так сказал Гарун, и, надев на палец юноше кольцо, хотел увести визиря; но тот попросил подождать минутку, обернулся и протянул изумленному Саиду туго набитый кошель.

– Молодой человек, – сказал он, – мой повелитель калиф властен многое для тебя сделать, властен даже, если пожелает, назначить тебя моим преемником, я же мало что могу, и потому предпочитаю сделать то, что могу, не завтра, а сегодня, вот

возьми кошель! Этим, конечно, не оплатить моей благодарности. Всякий раз, как ты чего пожелаешь, смело иди ко мне!

Опьянев от счастья, поспешил Саид домой. Но там ему был оказан плохой прием. Калум-бек сначала был недоволен, а затем озабочен его долгим отсутствием, потому что боялся лишиться красивой вывески для своей лавки. Он встретил Саида руганью и шумел и орал, как одержимый. Но Саид, заглянув в кошель и увидев, сколько там золота, решил, что теперь может вернуться на родину, даже не прибегая к милостям калифа, уж конечно, не менее щедрым, чем благодарность визиря, поэтому он не полез за словом в карман и коротко и ясно сказал купцу, что ни часу больше не пробудет в его доме. Вначале Калум-бек опешил, но потом стал насмехаться и сказал с издевкой:

— Ах ты, пройдоха, бродяга, жалкий оборвыш! Куда ты денешься без меня? Кто тебя накормит-напоит, кто приютит на ночь?

— Пусть это вас не заботит, хозяин, — упрямо возразил Саид. — Будьте здоровы, меня вам больше не видать!

Так сказал Саид и выбежал на улицу, а Калум-бек, онемев от удивления, смотрел ему вслед. Но наутро, хорошенько поразмыслив о том, что случилось, он послал своих упаковщиков выследить, где скрывается беглец. Долго и тщетно искали они, наконец один вернулся и сказал, что видел, как Саид вышел из мечети и направился в караван-сарай. Но его не узнаешь, он прекрасно одет, в роскошном тюрбане, при ятагане и сабле.

Услышав такое, Калум-бек разразился бранью.

— Он обобрал меня и на мои деньги оделся! — воскликнул он. — Несчастный я человек!

Калум побежал к начальнику стражи, а тому было известно, что он родня Месуру, хранителю казны калифа, поэтому купцу не стоило большого труда добиться, чтоб начальник отрядил нескольких стражников для ареста Саида. Саид сидел у караван-сарая и спокойно договаривался со встреченным там купцом о путешествии в Бальсору, родной его город. Неожиданно на него набросилось несколько человек, и, как он ни сопротивлялся, ему связали за спиной руки. Он спросил, что дает им право на такое насилие, они ответили, что действуют по приказу как своего начальника, так и его, Саида, законного хозяина и господина

Калум-бека. Тут подошел и сам противный злой купец, издеваясь и глумясь над Саидом, сунул он руку ему в карман и к удивлению окружающих с торжествующим видом вытащил кошель, набитый золотом.

– Смотрите! Вот сколько понемногу наворовал у меня этот мерзавец! – воскликнул он, и люди с презрением смотрели на пойманного вора и возмущались:

– Такой молодой, такой красивый и уже такой испорченный! На суд его, на суд, пусть проучат его батогами по пяткам!

Саида потащили к начальнику стражи, а следом за ними потянулась толпа людей всякого звания и состояния.

– Смотрите, это красавец зазывала с базара. Он обокрал своего хозяина и скрылся; он украл двести золотых! – кричали в толпе. Начальник стражи встретил пойманного мрачным взглядом. Саид хотел было сказать несколько слов в свое оправдание, но судья приказал ему замолчать и выслушал только пузатого купца. Он предъявил тому кошель и спросил – эти ли деньги украдены у него?

Калум-бек поклялся, что это так, и хотя с помощью ложной клятвы он и присвоил чужое золото, но красавца зазывалу, которого ценил в тысячу золотых, ему не вернули, ибо судья сказал:

– Согласно закону, который всего несколько дней тому назад по воле калифа, моего полновластного повелителя, стал еще строже, каждая кража, превышающая сумму в сто золотых и совершенная на базаре, наказуется пожизненным изгнанием на пустынный остров. Этот вор попался очень кстати; он как раз дополнит до двадцати число таких же молодцов, как он сам. Завтра мы погрузим их на баржу и повезем в море.

Саид был в отчаянии, он умолял выслушать его, разрешить ему сказать хоть слово калифу, но такая милость не была ему оказана. Калум-бек, уже сожалевший о данной клятве, теперь заступался за Саида, но судья остановил его.

– Ты получил свое золото и будь доволен, ступай домой и веди себя смирно, не то я возьму с тебя штраф по десять золотых за каждое слово, сказанное мне наперекор.

Озадаченный Калум замолчал, судья подал знак и злосчастного

Саида увели.

Его заключили в мрачную сырую тюрьму, где валялись на соломе девятнадцать горемык, они встретили своего товарища по несчастью грубыми насмешками и бранью в адрес судьи и калифа. Как ни страшила Саида судьба, как ни ужасала мысль о ссылке на пустынный остров, он все же находил утешение в том, что уже завтра выйдет из этой проклятой тюрьмы. Но он очень ошибся, думая, что в море будет лучше. Всех двадцать преступников бросили в трюм, где нельзя было стоять во весь рост, они теснились и дрались за лучшее место.

Подняли якорь, и Саид горько заплакал, когда баржа, увозившая его от родины, закачалась на волнах. Только раз в день им давали кусок хлеба, немного овощей и глоток пресной воды. В трюме было так темно, что всякий раз, когда заключенных кормили, приходилось приносить свечи. Почти каждые два-три дня кто-нибудь умирал, такой спертый, нездоровый воздух был в этой морской темнице; Саида спасала только молодость и крепкое здоровье.

Две недели были они уже в море, и вот в один прекрасный день волны заходили сильнее, и на корабле поднялась необычная беготня и суматоха.

Саид догадался, что начинается буря; он даже был этому рад, надеясь, что теперь расстанется с жизнью.

Баржу все сильнее и сильнее качало на волнах, и наконец она с ужасным треском села на мель. В трюм доносился рев бури, с палубы долетали крики и вопли. Наконец все затихло, но тут кто-то из заключенных обнаружил течь, вода через пробоину проникала внутрь баржи. Узники принялись стучать в люк, но никто не отзывался. Когда воды заметно прибыло, они налегли на люк и общими усилиями высадили его.

Они поднялись на палубу, но там не было ни души. Весь экипаж спасся на шлюпках. Многие узники впали в отчаяние; буря свирепствовала все сильнее, баржа трещала и погружалась в воду. Несколько часов провели они еще на палубе и, найдя съестные припасы, посидели за последней трапезой; потом буря усилилась, баржу снесло со скалы, на которой она сидела, и разбило.

Саид ухватился за мачту и все еще держался за нее, когда баржу уже разнесло в щепы. Его швыряло из стороны в сторону, но он греб ногами и удерживался на волнах. Так плыл он уже с полчаса, все время подвергаясь смертельной опасности; тут у него из-за кушака выпала дудочка на золотой цепочке, он захотел еще раз испытать: вдруг она издаст звук. Одной рукой он крепче уцепился за мачту, другой поднес дудочку к губам, подул, и тут раздался ясный звонкий звук. Буря сразу утихла, волны улеглись, словно политые маслом. Не успел он вздохнуть с облегчением и оглядеться, не покажется ли где-нибудь земля, как мачта под ним странным образом раздулась и зашевелилась, и, к немалому своему испугу, он почувствовал, что сидит верхом не на бревне, а на огромном дельфине; несколько мгновений спустя он совладал с охватившим его страхом и, убедившись, что дельфин хоть и быстро, но спокойно и уверенно продолжает плыть, приписал свое чудесное спасение серебряной дудочке и доброй фее и громко выразил свою горячую благодарность.

С быстротой стрелы несясь он по волнам на своем чудесном коне, и еще не успело закатиться, как он увидел землю и широкую реку, в которую тут же устремился дельфин. Вверх по течению дело пошло медленнее, и, чтобы не отощать, Саид, припомнив, как в таких случаях поступают в старых волшебных сказках, вытащил дудочку, громко и весело свистнул и пожелал вкусно покушать. Рыба тотчас остановилась, и из воды вынырнул стол, такой сухой, словно он неделю простоял на солнце, и весь уставленный вкусными яствами. Саид накинулся на еду, ведь пока он сидел под арестом, кормили его мало и скверно. Насытившись, он громко поблагодарил, стол нырнул в воду, а Саид ударил дельфина по боку, и тот сейчас же опять поплыл вверх по течению.

Солнце уже садилось, когда Саид различил в туманной дали большой город, минареты которого, как ему показалось, походили на багдадские. Мысль о Багдаде не очень его обрадовала, но он твердо верил в добрую фею и был убежден, что она и впредь уберет его от козней гнусного Калум-бека. В стороне, приблизительно за версту от города, у самой реки он заметил

великолепный загородный дворец, и к его большому удивлению рыба поплыла к этому дворцу.

На крыше стояли несколько нарядно одетых мужчин, а на берегу множество прислужников, все смотрели в его сторону и всплескивали руками от изумления. Дельфин остановился у мраморной лестницы, которая вела от загородного дворца к реке; и не успел Саид ступить на берег, как дельфин бесследно исчез. Несколько прислужников с сухой одеждой поспешили вниз и от имени их господина пригласили Саида подняться к нему. Он быстро переоделся и последовал за прислужниками на крышу, где его встретили трое, один из них, самый рослый и красивый, приветливо и благосклонно улыбаясь, обратился к нему.

— Откуда ты, чудесный незнакомец? — спросил он. — Ты укрощаешь рыб морских и правишь ими не хуже, чем умелый седок боевым конем. Кто ты — волшебник или такой же человек, как и мы?

— Господин мой, — отвечивал Саид, — последние дни мне туго пришлось, но ежели вам любопытно, я все расскажу.

Он начал свой рассказ и поведал трем слушателям свои злоключения с того дня, как оставил отцовский дом и до дня своего чудесного спасения. Часто они прерывали его изумленными возгласами, дивясь его приключениям, когда же он кончил, хозяин дворца, так приветливо его встретивший, сказал:

— Я верю твоим словам, Саид! Но ты говорил, что за победу в ратных состязаниях получил цепь и что калиф подарил тебе кольцо. Можешь ты показать нам то и другое?

— Оба подарка я храню здесь, на сердце, — сказал юноша, — я отдал бы их тебе только вместе с жизнью, ибо славным и прекрасным деянием считаю то, что я спас калифа от рук разбойников. — С этими словами он вытащил из-за пазухи цепь и кольцо и подал хозяину дома.

— Клянусь бородою пророка, это он, это мое кольцо! — воскликнул высокий красавец. — Великий визирь, пред нами стоит наш спаситель, обнимем его.

Саиду казалось, что он видит сон, когда они заключили его в свои объятия, но, придя в себя, он пал ниц и сказал:

— Прости, повелитель правоверных, что пред твоим лицом я так свободно говорил, ведь ты Гарун аль-Рашид, славный багдадский

калиф.

– Да, я калиф и твой друг! – отвечал Гарун, – и с нынешнего дня твоя горестная судьба изменится. Ты поедешь со мной в Багдад, останешься в моей свите и будешь одним из самых моих верных советчиков, – в ту ночь ты доказал, что Гарун тебе не безразличен, а я не каждого из преданных мне слуг решился бы подвергнуть такому испытанию.

Саид поблагодарил калифа; он обещал остаться у него навсегда, но раньше просил позволения поехать домой, к отцу, который, верно, очень о нем печалится, и калиф нашел это желание законным и разумным. Вскоре они сели на коней и еще до захода солнца приехали в Багдад. Калиф повелел отвести Саиду во дворце целую анфиладу роскошных покоев и сверх того обещал дать приказ, чтобы для него был возведен прекрасный дом.

При первой вести о происшедшем к Саиду поспешили его бывшие братья по оружию – брат калифа и сын великого визиря. Они обняли его – спасителя дорогих им людей – и просили стать их другом. Но они онемели от изумления, когда он сказал: «Я уже давно ваш друг», – и с этими словами достал цепь – приз за победу на состязании – и напомнил о разных случаях на ристалище. Тогда они видели его загорелым и длиннородым, и только, когда он рассказал, как и почему он изменил свой облик, когда в подтверждение своих слов велел принести свои доспехи и сразился с ними тупым оружием, чем доказал, что он и есть тот самый Альмансор Отважный, только тогда они снова радостно обняли его и сочли за счастье иметь такого друга.

На следующий день, когда Саид и великий визирь сидели в покоях Гаруна, туда вошел Месур, старший хранитель казны калифа.

– Повелитель правоверных, – сказал он, – я хотел бы испросить у тебя одну милость, потому что не знаю, как ты на это посмотришь.

– Я желаю сперва выслушать, о чем ты просишь, – ответил Гарун.

– У ворот дожидается мой кровный родственник, очень мною любимый Калум-бек, купец, известный всему базару, – сказал Месур, – у него произошла странная ссора с человеком из Бальсоры, чей сын служил у Калум-бека, обворовал его и сбежал неизвестно куда. Теперь отец требует от Калума своего сына, а

у Калума его нет. Поэтому ему хотелось бы, и он просит тебя об этом, чтобы ты оказал ему милость и с присущими тебе проницательностью и мудростью рассудил спор между ним и человеком из Бальсоры.

– Хорошо, я рассужу их, – сказал калиф. – Пусть через полчаса твой почтенный родственник и тот, на кого он приносит жалобу, явятся в судебный покой на заседание дивана.

– Это не кто иной, как твой отец, Саид, – сказал Гарун, когда Месур, рассыпаясь в благодарностях, покинул покой, – по счастью, мне теперь все известно, поэтому судить я буду, как Соломон. Ты спрячешься за занавесом тропа и не выходи, пока я не позову тебя, а ты, великий визирь, сейчас же вели привести нерадивого и опрометчивого судью! Он будет мне нужен во время допроса.

Как Гарун повелел, так оба и сделали. У Саида сильно забилося сердце, когда он увидел, как его отец, бледный и изнуренный печалью, неверной походкой вошел в судебный покой, а хитрая самоуверенная усмешка, с какой Калум шептал что-то на ухо своему родственнику, старшему хранителю калифовой казны, возмутила Саида, его так и подмывало выскочить из-за занавеса и накинуться на Калума, ведь ему, этому подлому человеку, он был обязан самыми тяжкими своими страданиями и огорчениями.

В покое собралось много людей, всем хотелось услышать, как будет творить суд калиф. Когда повелитель Багдада занял свое место на троне, великий визирь призвал всех к тишине, спросил, который из двух жалобщик и кто обращается за правосудием к своему повелителю.

Калум-бек самоуверенно выступил вперед и сказал:

– Несколько дней тому назад стоял я на базаре у дверей своей лавки, когда глашатай, держа в руке кошель, ходил вместе с этим человеком от лавки к лавке и выкрикивал: «Кошель золота тому, кто укажет, где Саид из Бальсоры». Этот Саид был у меня зазывалой, вот я и крикнул: «Сюда, друг! Я заслужил твой кошель!» Этот человек, который сейчас таким врагом смотрит на меня, тогда подошел ко мне как друг и спросил, что мне известно. Я ответил: «Вы, верно, Бенезар, его отец?» – и когда он с радостью это подтвердил, я рассказал, как нашел его сына

в пустыне, спас ему жизнь, выходил его и привез в Багдад. С радостью сердца подарил он мне свой кошель. Но послушайте, что было дальше, когда я рассказал этому вздорному человеку, что его сын служил у меня, потом занялся темными делишками, обокрал меня и сбежал, он не поверил и вот уже несколько дней пристает ко мне, требует вернуть ему сына и золото, но я не могу вернуть ни того, ни другого, деньги принадлежат мне по праву за сообщенную весть, а его дурного сына я никак не могу ему предоставить.

Теперь заговорил Бенезар. Назвал сына благородным и добродетельным юношей, сказал, что Саид никогда не замарал бы рук воровством. Он взывал к калифу, прося строго расследовать дело.

– Надеюсь, ты исполнил свой долг и заявил о краже? – спросил Калум-бека калиф.

– Ну, разумеется, – усмехнулся тот. – Я отвел его к судье.

– Привести сюда судью! – повелел калиф.

Ко всеобщему удивлению, судья, как по мановению волшебной палочки, тут же предстал перед ним.

Калиф спросил его, помнит ли он о таком судебном деле, и тот ответил утвердительно.

– Ты допросил юношу, он в воровстве признался? – спросил Гарун.

– Нет, он был так упрям, что хотел повиниться только перед вами! – возразил судья.

– Но я не припомню, чтобы я его видел, – сказал калиф.

– А зачем? Тогда мне пришлось бы что ни день приводить к вам целую ораву всякого сброда, все желали бы, чтобы вы их выслушали.

– Ты же знаешь, я преклоняю ухо к словам любого, – возразил Гарун, – но, должно быть, улики были так очевидны, что юноше предстать пред моими очами было излишне. У тебя, Калум, верно, были свидетели, что украденные деньги принадлежат тебе?

– Свидетели? – переспросил Калум, бледнея. – Нет, свидетелей у меня не было, и вы, повелитель правоверных, сами знаете, что все золотые монеты похожи одна на другую. Откуда же было мне взять свидетелей, что именно этих сто золотых недостает у меня

в кассе?

— А как же ты узнал, что эти золотые принадлежат тебе?

— По кошель, в котором они лежали, — ответил Калум.

— Кошель при тебе? — не прекращал допытываться калиф.

— Вот он, — ответил купец, достал кошель и вручил его великому визирю, чтобы тот подал его калифу.

Но великий визирь с притворным изумлением воскликнул:

— Клянусь бородою пророка! Так ты, паршивый пес, утверждаешь, что кошель твой? Кошель принадлежал мне, и я подарил его храброму юноше за то, что он спас меня от страшной опасности.

— Ты можешь в этом поклясться? — спросил калиф.

— Это так же верно, как то, что я надеюсь попасть в рай, — отвечал визирь, — кошель сделан руками моей дочери.

— Ай-ай-ай! — воскликнул Гарун. — Выходит, судья, показания-то были ложными. Почему же ты поверил, что кошель принадлежит купцу?

— Он поклялся, — ответил судья, оробев.

— Так, значит, ты дал ложную клятву! — с гневом обрушился калиф на дрожащего и побледневшего купца.

— Аллах, Аллах! — воскликнул тот. — Я, конечно, ничего не хочу сказать против великого визиря, он человек достойный доверия, но ведь кошель-то все-таки мой, и негодник Саид украл его. Я бы заплатил тысячу туманов, только бы Саид был сейчас тут.

— Скажи, куда ты упрятал Саида? — спросил калиф судью. — Скажи, куда надо за ним послать, чтобы он мог дать мне свои показания?

— Я отослал его на пустынный остров, — ответил судья.

— О Саид! Мой сын, мой сын! — обливаясь слезами, приговаривал несчастный отец.

— Так, значит, он сознался в краже? — допрашивал Гарун.

Судья побледнел, он не знал, куда деть глаза, наконец он сказал:

— Если я не ошибаюсь, то — да.

— Значит, ты в этом не уверен? — грозно спросил калиф. — В таком случае спросим его самого. Выходи, Саид, а ты, Калумбек, раз он здесь, заплати сейчас же тысячу золотых!

Калум и судья думали, что перед ними привидение. Они упали на

колени и молили: «Смилуйся! Смилуйся!» Бенезар, обессилив от радости, поспешил в объятия вновь обретенного сына. Калиф с непреклонной строгостью спросил:

– Судья, Саид тут, он признал себя виновным?

– Нет, нет, – слезно вопил судья, – я выслушал только показания Калума, ведь он именитый купец.

– Разве для того я поставил тебя судьей надо всеми, чтобы ты выслушивал только знатных? – в порыве благородного гнева воскликнул Гарун аль-Рашид. – Я ссылаю тебя сроком на десять лет на пустынный остров в открытом море. Там у тебя будет время поразмыслить о справедливости; а ты, жалкий человек, ты возвращаешь к жизни умирающих не для того, чтобы их спасти, а для того, чтобы сделать их твоими рабами, ты, как уже было сказано, выплатишь тысячу туманов, ведь ты обещал их, если явится Саид и даст свои показания.

Калум обрадовался, что так дешево отделался, и уже собрался поблагодарить доброго калифа, но тот еще не кончил свою речь:

– За ложную клятву о ста золотых туманах получишь сто ударов по пяткам. А затем предоставляю Саиду на выбор – или забрать твою лавку, а тебя сделать упаковщиком и носильщиком, или же получить с тебя десять золотых за каждый день, что он прослужил у тебя.

– Отпустите негодяя, калиф! – воскликнул юноша. – Мне не надо ничего, что принадлежит ему.

– Нет, – возразил Гарун. – Я хочу, чтобы ты был вознагражден. Я выбираю вместо тебя: десять золотых за каждый день, а ты уж сам подсчитай, сколько дней был у него в лапах. А теперь уведите этих негодяев!

Их увели, а калиф пошел с Бенезаром и Саидом в другой покой; там он рассказал счастливому отцу о своем чудесном спасении, и только время от времени его прерывали вопли Калум-бека, которому во дворе как раз отсчитывали сто полновесных золотых по пяткам.

Калиф пригласил Бенезара на житье в Багдад. Тот согласился и только ненадолго съездил на родину за своим немалым добром. Саид зажил, как принц, во дворце, который ему построил благодарный калиф. С братом калифа и сыном великого визиря он

был в большой дружбе, и в Багдаде вошло в поговорку: «Быть бы мне таким добрым и счастливым, как Саид, сын Бенезара».

– При таком занимательном времяпрепровождении я не то что одну, а две, три ночи, а придется, так и больше, глаз не сомкну, – сказал мастер, когда егерь окончил, – и не раз уже я в этом убеждался. Работал я одно время подмастерьем у литейщика колоколов. Литейщик был человек богатый и не скряга. Но вот как-то, когда он получил крупный заказ, нас очень удивила совсем непривычная для него скупость. Отливали мы колокол для новой церкви, и мы, ученики и подмастерья, всю ночь должны были сидеть у горна и поддерживать огонь. Мы, конечно, ожидали, что мастер почнет свой заветный бочонок и поставит нам свое лучшее вино. Но не тут-то было. Он каждый час подносил нам круговую чарку, и только, а сам все рассказывал и о годах своих странствий, и всякие истории из своей жизни; его примеру последовал старший подмастерье, а потом по череду и все остальные. Мы и не заметили, как настал день. Тут-то мы поняли хитрость мастера: он хотел, чтобы за разговорами мы позабыли о сне. А когда колокол был готов, он не пожалел вина и с лихвой возместил то, что не додал той ночью.

– Ваш мастер был человек разумный, – заметил студент. – Против сна нет средства лучше, чем разговор. Мне потому не хотелось оставаться этой ночью в одиночестве, что к одиннадцати часам меня уже одолевает сон.

– И крестьяне тоже это смекнули, – сказал егерь. – Длинными зимними вечерами, когда прясть уже приходится при свете, женщины и девушки не сидят по домам, потому что там они заснули бы за прялкой; нет, они собираются у кого-нибудь на посиделки и там за работой рассказывают друг другу всякую всячину.

– Да, – вступил в разговор возчик, – порой просто жуть берет, такие страхи они рассказывают об огненных духах, что бродят по свету, о домовых, что по ночам поднимают возню в кладовой, о привидениях, что пугают людей и скотину.

– Ну, это, конечно, не слишком приятное развлечение, –

возразил студент. – Мне, должен признаться, ничто так не противно, как рассказы о привидениях.

– А по мне как раз наоборот, – сказал мастер. – Мне особенно приятно слушать страшные рассказы. Вроде как спать при дожде под крышей. Слышишь, как дождь стучит по черепицам: кап-кап... кап-кап, а ты лежишь в сухости и тепле. Когда при свете и в компании слушаешь рассказы о привидениях, тебе приятно и совсем не страшно.

– Ну, а потом как? – спросил студент. – Разве тот, кто питает нелепую веру в привидения, не будет дрожать от страха, ежели останется один впотьмах? Разве не будет он вспоминать всю ту жуть, что слышал? Когда я вспоминаю свое детство, рассказы о привидениях и по сей день еще вызывают во мне неприязнь. Я был веселым, живым ребенком и, вероятно, не таким спокойным, как то хотелось бы моей кормилице. А она не придумала ничего лучше, как пугать меня, чтобы утихомирить. Она рассказывала страшные сказки про всякую нечисть, про ведьм, которые, как она говорила, водятся в доме, и, когда кошки подымали возню на чердаке, она боязливо шептала: «Слышишь, сынок? Вот он, мертвец-то, опять вверх и вниз по лестнице ходит. Голову свою он несет под мышкой, а глаза все равно горят не хуже фонарей, вместо пальцев у него когти, кого он поймает в темной комнате, тому свернет голову».

Собеседников его рассказ насмешил, а студент продолжал:

– Я был еще слишком мал и не мог понять, что все это не правда, а выдумки. Я не боялся самой большой охотничьей собаки, любого товарища моих детских игр мог повалить на песок, но в темной комнате зажимивал глаза, думая, что сейчас подкрадется мертвец. Дошло до того, что, когда стемнеет, я уже не соглашался один без свечи выйти за дверь. И как бывало отец меня наказывал за такое непослушание! Я долго не мог отделаться от этого детского страха, а виновата была только моя глупая кормилица.

– Да, это большая ошибка – забивать ребенку голову таким суемудрием, – заметил егерь. – Могу вас уверить, что знавал смелых, решительных людей, охотников, которые не побоялись бы и трех врагов, а в ночную пору, когда они подкарауливали в

лесу дичь или браконьеров, на них, случилось, вдруг напал страх; дерево представлялось им страшным привидением, куст – ведьмой, а два светлячка – глазами подстерегающего их в темноте чудовища.

– Я считаю подобные рассказы чрезвычайно вредными и глупыми для всякого, не только для детей, – сказал студент. – Ну станет ли здравомыслящий человек рассуждать о повадках и сущности тех, что живут лишь в воображении глупца? Привидения являются ему одному и никому больше. Но всего вреднее такие рассказы для сельского люда. В деревнях упорно живет твердая вера в подобные глупости, и поддерживается она за прямой на посиделках и в трактирах, где подвигаются поближе друг к другу и прерывающимся от страха голосом рассказывают всякие жуткие истории.

– Да, сударь, может, вы и правы, – согласился возчик. – Такие рассказы принесли не одну беду, моя родная сестра по их милости лишилась жизни.

– Да ну? Из-за таких рассказов? – удивились остальные собеседники.

– Да, из-за таких рассказов, – подтвердил возчик. – В той деревне, где жил наш отец, женщины и девушки зимними вечерами прядут на посиделках, так уж там повелось. И молодые парни тоже приходят и болтают всякие небылицы. Вот как-то вечером зашел разговор о привидениях и выходах с того света, и парни рассказали о старом лавочнике, который уже десять лет как умер, но все еще никак не найдет покоя в могиле. Каждую ночь сбрасывает он с гроба землю, встает из могилы, медленно крадется, покашливая; как и при жизни к себе в лавку, кладет на весы сахар и кофе и при этом бормочет:

Три четверти фунта в полночный час К полудню потянут фунт как раз.

Многие уверяли, будто видели его собственными глазами, и девушки и женщины были очень напуганы. Но моя сестра, ей тогда было шестнадцать, захотела показать, что она умнее других, и заявила: «Ни во что такое я не верю, кто умер, тот уже не встанет из гроба!» Заявить-то она заявила, но убеждена в этом, к сожалению, не была. Тогда один из парней сказал: «Если ты

так думаешь, ты его не испугаешься; его могила в двух шагах от могилы недавно умершей Кетхен. Докажи свою храбрость, пойди на кладбище, сорви цветок с могилы Кетхен и принеси нам, тогда мы поверим, что ты не испугалась лавочника!»

Моя сестра побоялась, что ее засмеют, и сказала: «Для меня это пустяки, какой цветок принести?»

«Во всей деревне нет белых роз, только на кладбище, вот и принеси нам оттуда букет белых роз», – ответила ей одна из ее подруг. Сестра встала и вышла на улицу, и все мужчины хвалили ее за храбрость, но женщины качали головой и говорили: «Только бы все хорошо кончилось!» Сестра пошла к кладбищу. Было полнолуние. Когда она отворяла кладбищенскую калитку, на часах как раз пробило двенадцать, ей стало страшно.

Она прошла мимо ряда знакомых могил, и чем ближе подходила она к белым розам Кетхен и к могиле лавочника, встающего по ночам из гроба, тем сильнее и сильнее замирало у нее от страха сердце.

Ее била дрожь, когда она, дойдя до могилы Кетхен, опустилась на колени и стала рвать цветы. Вдруг ей послышался где-то совсем рядом шорох. Она оглянулась: в двух шагах от нее из могилы вылетели комья земли, и вслед за землей появилась голова человека, бледного старика в белом ночном колпаке. Сестра страшно перепугалась; еще раз поглядела она в ту сторону, желая убедиться, что ее не обманывает зрение; когда же тот, что глядел из могилы, гнусавым голосом сказал: «Добрый вечер, девушка, откуда вы в такой поздний час?» – ее охватил смертельный страх, она вскочила и, перепрыгивая через могилы, побежала обратно; задыхаясь от ужаса, рассказала она о том, что видела; она так ослабела, что домой ее отнесли на руках. На следующий день мы узнали, что это был могильщик, он рыл там могилу и заговорил с моей сестрой, но нам от этого не стало легче. Еще до того, как она могла это узнать, у нее началась горячка, и на третий день она умерла. Цветы для венка на свою могилу она нарвала сама.

Возчик замолчал, и слезы выступили у него на глазах; все присутствующие с участием глядели на него.

– Итак, бедную девочку погубило суеверие, – сказал золотых дел

мастер. – Мне вспомнилось в связи с этим предание, которое я охотно расскажу вам, к сожалению, и оно тоже грустно кончается.

[Стинфольская пещера \(Шотландская легенда\)](#)

 Загрузка...